

О текущем кризисе турецко-курдского примирения (декабрь 2025 г.)

Комментарий Центра АРВАК, 08.12.2025

Аннотация

Комментарий АРВАК анализирует кризис в процессе урегулирования турецко-курдского конфликта в конце 2025 года. Обострение ситуации спровоцировано заявлением Рабочей партии Курдистана (РПК) о прекращении соблюдения договоренностей в связи с невыполнением Турцией ключевого условия – освобождения лидера Абдуллы Оджалана. В материале рассматриваются структурное недоверие между сторонами, дисбаланс в имплементации дорожной карты мирного процесса, а также влияние региональной геополитической динамики (в частности, сирийского и иракского контекстов) и гипотетического проекта «Большого Курдистана» на переговорный процесс. Делается вывод о высокой вероятности окончательного срыва мирной инициативы и риска эскалации конфликта в условиях меняющегося баланса сил на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Турецко-курдский конфликт, Рабочая партия Курдистана (РПК), Абдулла Оджалан, мирный процесс, деэскалация, разоружение, геополитика Ближнего Востока, Курдский вопрос, «Большой Курдистан», Рожава.

В конце ноября 2025 года Рабочая партия Курдистана (РПК) выдвинула Турецкой Республике ультиматум, потребовав амнистии и освобождения своего основателя и идеолога Абдуллы Оджалана. В качестве аргументации РПК указала на выполнение организацией своих обязательств в рамках двустороннего мирного соглашения. В случае невыполнения этих требований, партия пригрозила прекратить соблюдение условий турецко-курдского процесса деэскалации. Об этом информационному агентству *AFR* заявил один из командиров РПК, Амед Малазгирт, базирующийся в горах Кандиль на севере Ирака. Высокопоставленный курдский командир также заявил, что Анкара должна на официальном и конституционном уровне «*признать курдский народ Турции*».

Заявление РПК верифицировало ранее озвученные Центром АРВАК оценки о нарастающей дестабилизации мирного процесса, предусматривающего демилитаризацию наиболее влиятельной курдской военизированной структуры в обмен на освобождение Оджалана и трансформацию деятельности РПК исключительно в политическую плоскость.

Очевидно, что Анкара и РПК договорились выполнять свои обязательства в параллельном режиме, придерживаясь определенной «дорожной карты», регламентировавшей поэтапные действия сторон. По утверждению курдского командования, Турция нарушила данный регламент, продолжая изоляцию Абдуллы Оджалана в пенитенциарном учреждении на острове Имралы, тогда как РПК демонстрировала достаточную степень выполнения турецких условий для его освобождения.

Турецкая сторона, в свою очередь, возможно считает, что именно РПК недостаточно активно выполняет свою часть условий и скрывает реальный потенциал военизированного крыла организации, жертвуя ради мира с Анкарой лишь незначительной частью боевого арсенала. Центр АРВАК в своих предыдущих публикациях уже [отмечал](#), как в целом вяло протекал стартовавший летом процесс разоружения курдских отрядов, и как значительное число курдских бойцов, не согласных с «мирным курсом» политического крыла РПК,

переместилось из Турции и Ирака в Сирийскую Рожаву (Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии). Учитывая это, можно предположить, что Анкара не удовлетворена складывающимся положением дел и опасается, что обещанное освобождение А. Оджалана не только не будет способствовать дальнейшему процессу реконсилиации, но, напротив, может спровоцировать новое масштабное курдское вооруженное освободительное движение.

Так или иначе, турецко-курдский мирный процесс находится либо в состоянии окончательного срыва, либо на пороге такового. Этому способствуют две фундаментальные причины.

Во-первых, стороны взаимно не способны преодолеть институциональное и психологическое недоверие, обусловленное длительной и многовекторной историей конфликта, включающей неоднократные провальные попытки реконсилиации. Последняя из таких инициатив имела место в период 2013–2015 гг., однако и она потерпела фиаско ввиду неспособности или нежелания политического руководства РПК консолидировать все свои фракции для безоговорочного исполнения параметров соглашения с турецкой стороной. Одновременно с этим турецкие власти инициировали жестокие репрессивные меры против курдского населения на своей территории, которые в ряде локаций привели к акциям уничтожения гражданских лиц под предлогом антитеррористической борьбы.

Во-вторых, инициирование текущего мирного процесса оказалось несвоевременным с точки зрения региональной конъюнктуры, характеризующейся кардинальными геополитическими сдвигами и формированием нового регионального баланса сил на Ближнем Востоке. Анкара, по-видимому, была вынуждена предложить курдам мирное урегулирование конфликта именно в этот период, опасаясь, что переформатирование региональных границ может подразумевать создание «*Большого Курдистана*» — проекта, который в Турции интерпретируется как долгосрочный стратегический план США и Израиля. Речь идет о гипотетическом проекте (рассматриваемом многими экспертами как конспирологический нарратив) признания курдской государственности по всему ареалу их компактного проживания (Турция, Сирия, Ирак и Иран). Сторонники этой интерпретации считают, что США и Израиль в результате получают надежного и боеспособного стратегического союзника на Ближнем Востоке, способного защищать их жизненно важные интересы в регионе от угроз панарабизма, турецкого неоосманизма и иранского паншиизма. Учитывая, что РПК является идеологически фундированной, а не кланово-племенной структурой и располагает наиболее эффективными боевыми отрядами в курдской среде, тревога Анкары представляется обоснованной.

Вероятно, Анкара стремилась реализовать стратегию превентивных мер — «*игру на опережение*» — и создать платформу для конструктивного политического диалога с курдами, которая, даже не приводя к полноценному урегулированию турецко-курдского вопроса, по крайней мере минимизировала бы риск общекурдского масштабного вооруженного восстания во всем регионе, гипотетически поддерживаемого западными государствами и Израилем. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что Анкара инициировала «*мирный процесс*» и политический

диалог именно в этот хронологический период, чтобы демотивировать курдов и их наиболее значимую структуру – РПК – от организации нового крупномасштабного антитурецкого выступления, а также посеять внутрикурдские противоречия между клановыми и политическими фракциями, препятствуя их консолидации в контексте израильско-западных планов.

Однако, с другой стороны, в силу объективных причин, турецкая «превентивная стратегия», совпавшая с военно-политической дезинтеграцией в Сирии, Палестине и Ливане, объективно не способна обеспечить критически необходимую Анкаре военно-политическую дезактивацию сирийских, иракских и, тем более, турецких курдов.

Независимо от реального существования проекта «*Большого Курдистана*», курдский фактор уже трансформировался в стратегически значимый элемент региональной политики глобальных центров силы, стремящихся нарастить свое влияние в регионе после вытеснения Ирана и России.

В настоящее время курдская повестка представляет особый интерес для США, их западных союзников и Израиля в контексте конструирования новой геополитической архитектуры региона, где эта этническая общность уже претендует на статус критически важного союзника вышеуказанных центров силы. В этих условиях турецкая «*мирная инициатива*», возможно, принесла Анкаре краткосрочные тактические выгоды, но в долгосрочной стратегической перспективе вряд ли нивелирует растущую региональную угрозу. Очевидно, что, предвидя новые существенные трансформации в регионе, ни турецкие власти, ни военно-политический истеблишмент РПК не питают больших надежд относительно «*мирного процесса*». Из этого следует вывод, что Абдулла Оджалан, скорее всего, не будет освобожден, а курдские вооруженные формирования добровольно не разоружатся.